

V. ИСТОРИЧНОСТЬ АВТОНОМИИ
КУЛЬТУРНОГО ПОЛЯ.
АВТОНОМИЯ И САМОУПРАЗДНЕНИЕ

Ольга Голубева

«Будем мыслить в молчании и оставим литературное
поприще Полевым и Булгариным»,
или Неизбежная «повторимость» бытия

В названии статьи процитировано письмо Евгения Боратынского к Ивану Киреевскому, написанное в связи с закрытием «Европейца».

В эстетической системе Боратынского (талантливейшего поэта, не вполне оцененного современниками) есть два мотива: бесконечные «*повторенья*» «явлений» бытия, обесценивающие творческие усилия человека мыслящего, и постижение «*духа судьбы*» — «диалектическое равновесие» «борьбы с тяжелой судьбой» и полное ее принятие, религиозный бунт и христианское смирение.

Оставив пока «на полях» второй мотив (напрямую связанный с ощущением Боратынским недооцененности, непризнанности его поэтического дара), обратимся к мотиву «повторений», весьма актуальному как для русской истории, так и для сознания (самосознания) русской интеллигенции:

На что вы, дни! Юдольный мир явленья

Свои не изменит!

Все ведомы, и только *повторенья*

Грядущее сулит <...>

(*курсив мой* — О. Г. [1, с. 288])

Само понятие «повторенья» (часто не столько в значении «развитие по спирали с приращением смыслов», сколько в значении «движение по кругу, создание замкнутого цикла развития») — для русской истории *смыслообразующее (культурообразующее)*.

Исследователь (литературовед), выбирая «героя» (объект исследований), действует под влиянием разнообразных «неслучайных случайностей», формирующих судьбу.

«Неслучайность» этого выбора обнаруживается лишь тогда, когда судьба исследователя в ключевых моментах начинает «сближаться» с судьбой объекта исследования.

В *ситуациях-«повтореньях»* и «последний поэт» начала XIX века (в упомянутом письме к Киреевскому явлены и обусловленность [в известном смысле «геокультурная» — Россия, цензура, свобода мысли...], и «экономизация» творчества [полемика «литературной аристократии» с «торговой» словесностью]), и литературовед-русист (в условиях современной коммерциализации культурного поля изучающий творчество «последнего поэта») вынужденно совершают экзистенциальный выбор творческого пути в предлагаемых обстоятельствах.

«Точка бифуркации», которую проходил «герой» (объект исследований), ожидаемо повторяется в судьбе исследователя. Под «точкой бифуркации» понимаем ситуацию нарушения «права» делать то, что знаешь и любишь (обусловленную географически, экономически, политически, психологически), острое переживание бесполезности/ не востребованности дара.

Однако возможность/неизбежность сопоставления судьбы объекта исследования, действовавшего в XIX веке, с судьбой исследователя, действующего в веке XXI-м, — скорее предмет художественного осмысления («сюжет для небольшого рассказа») ... И явление частное.

Научному же осмыслению следует подвергнуть саму *возможность/неизбежность* такого сопоставления: почему ситуации «выбора» повторяются? Какие условия (идеологические, культурно-исторические) этому способствуют? Возможен ли /неизбежен ли выход из круга «повторений»?

Мы уже писали о *«повтореньях»*, которые напрямую связаны с историко-культурной парадигмой восприятия России в мире, заданной более 300 лет назад реформами Петра I и как всякое значимое историческое явление породившей свои мифы, в том числе — миф о Петре Великом как царе-демиурге, сотворившем *новую Россию* [3].

«*Петровский миф*» подразумевал следующие представления (среди прочих) об особенностях историко-культурного развития России:

1. *Отрицание исторической и культурной значимости России до Петра, и соответственно — отставание России от европейских стран;*

2. *Восприятие России как ученицы Запада, и, как следствие — появление «соревновательной парадигмы русской истории»* [12, с. 14-20];

3. *Утверждение исключительности русской культуры, которая непременно проявится в будущем, однако, в настоящем отсутствует.*

Данные представления вполне можно рассматривать как *смыслообразующие (культурообразующие)* архетипы российской истории и культуры, воспроизводимые на всех переломных этапах развития России.

Среди таких переломных («*переходных*») эпох — как уже названная нами *петровская эпоха* (рубеж XVII—XVIII веков), заложившая основу исследуемой нами парадигмы, так, например, и эпоха русских революций (рубеж XIX—XX веков), воспроизводящая отмеченные нами *культурообразующие архетипы* — и отрицание предшествовавшей истории, и ее «соревновательную парадигму», и утверждение исключительности *молодой страны*.

В условиях «петровской» парадигмы, создание культурного пространства (*языка, литературы, истории*), которое бы наиболее полно выразило дух российского народа, всегда являлось сверхзадачей для российских мыслителей и политиков, служило показателем развития общества и государства и вос-

принималось как самый короткий путь для России «войти в состав государств просвещенных».

В данной статье мы исследуем «повторимость» событий в сфере культуры (прежде всего литературы и литературоведения/науки о литературе) в еще двух переломных («переходных») эпохах — эпохе, связанной с реформами Александра I («дней Александровых прекрасным началом») (рубеж XVIII — XIX веков), в культурном отношении отмеченной стремлением к созданию русской словесности и ее истории, в спорах о которых отчетливо проявились составляющие петровского государственного мифа [4], и современной нам эпохе — от *перестройки*, связанной с мечтами о создании *новой* России, до настоящего момента времени (рубеж XX—XXI веков).

* * *

В первой трети XIX века *петровский миф* был экстраполирован на споры о развитии российской словесности.

Создание литературы воспринималось как дело, равноеликое созданию *нового* государства Петром Великим, как следующий необходимый шаг по пути просвещения. Создание же *истории литературы* (осмысление пути, пройденного русской литературой за первые сто лет существования) превратилось в важнейшую часть этого процесса самосознания или самоидентификации русской культуры.

Поскольку точкой отсчета в процессе создания *новой* русской литературы называлось время петровских реформ, закономерно, что степень ее зрелости оценивалась в соотношении с литературами европейскими, а основной доминантой споров о путях ее развития (так называемой полемики «классиков» и «романтиков», а затем и споров о литературной аристократии и «меркантильной», «торговой» словесности) явилось представление о том, что в России *еще нет литературы*. Так считали и писали об этом в своих программных статьях литераторы самых различных взглядов и масштабов дарований от Александра Пушкина до Фаддея Булгарина: Петр Вяземский, Александр Бестужев, Вильгельм Кюхельбекер,

Дмитрий Веневитинов, Николай Надеждин, Иван Киреевский, Виссарион Белинский и др.

Условием создания русской словесности, в полной мере выражающей «умственную жизнь народа», называлась учеба у просвещенной Европы, освоив культурный опыт которой, русская литература непременно даст в будущем прекрасные плоды. Будущее же, предрекаемое русской словесности, оказывалось эквивалентным будущему самой России, которой суждено было ни много ни мало встать во главе европейского просвещения:

«Будем беспристрастны и сознаемся, что у нас *еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы*. Но утешимся: у нас есть благо, залог всех других: *у нас есть Надежда и Мысль о великом назначении нашего отечества!* <...> Совместное действие важнейших государств Европы участвовало в образовании начала нашего просвещения, приготовило ему характер общеевропейский и вместе дало возможность будущего влияния на всю Европу <...> Судьба каждого из государств европейских зависит от совокупности всех других — *судьба России заключается в ее просвещении: оно есть условие и источник всех благ. Когда же эти все блага будут нашими, мы ими поделимся с остальной Европою и весь долг наш заплатим ей сторицею*» [Курсив мой — О. Г. 6, с. 78—79].

«Мессианский» подход к созданию национальной литературы наделял участников процесса высоким статусом «творцов», создателей новой культурно-исторической реальности. Творческие функции Петра — *создателя* новой России — передавались поэту-творцу, «<...> способному *сотворить* для *нового*, приходящего уже в устроительство Петрова мира *новую литературу!*» (курсив мой — О. Г.) [13, с. 172]. Бесспорное право называться «Петром Великим» «в своем роде» [15, с. 165] было признано за Михаилом Ломоносовым (с Петром Великим Ломоносова сравнивали Константин Батюшков, Николай Греч, Василий Плаксин, Николай Надеждин, Степан Шевырев, Белинский и др.). Вслед за Ломоносовым выстраивался историко-литературный ряд, в котором за сочинителями XVIII — начала XIX века закреплялись определенные дости-

жения: Николай Карамзин «сотворил новую <...> русскую прозу»; Иван Дмитриев — язык легкой поэзии; Денис Фонвизин — комедию; Владислав Озеров — «преобразовал» трагедию и т. д. К середине 1820-х гг. за Василием Жуковским закрепились место создателя баллады; Пушкин воспринимался как «усыновитель» жанра «байронической» поэмы на русской почве и первый кандидат на титул национального поэта. В принципе же «поле русской словесности» считалось свободным.

В комплекс «преобразований», которые должен был провести «творец» первой трети XIX века, входило написание грамматики («преобразование» языка), сочинение истории, исторического романа (формирование самосознания нации), издание журнала (влияние на публику, воспитание ее вкуса и формирование «общего мнения»).

Журналист, критик — а критик в это время выполнял и функцию литературоведа (из литературной критики первой трети XIX века вышла не только наука о литературе [история и теория], но и основы российского философского [«философического»] дискурса [«философствование»]) — считал себя (и воспринимался и коллегами-литераторами, и публикой) законодателем вкуса, формирующим не только литературный процесс, но и просвещенное общество.

Ускоренный темп развития русской словесности быстро (к началу 1830-х годов) привел к ее профессионализации, неизбежно сопровождавшейся возникновением коммерческих («торговых», «меркантильных») отношений в литературной среде.

Спор о «торговой» словесности, ставший одним из центральных сюжетов становления литературы, можно рассмотреть как своего рода *точку бифуркации*, когда литераторы должны были совершить *выбор* в рамках оппозиции «*умственное или духовное*» (творчество, вдохновение, высокое служение, миссия) — «*материальное*» (гонорар, выгода, торговля, и т. п.). Разумеется, даже в самом начале процесса профессионализации литературы данная дихотомия не была столь безальтернативной (*продавать рукопись, а не вдохновение*

литераторы готовы были). Дело было в другом — в ситуации (и именно в ситуации «начала» — и самоидентификации литературы, и процесса профессионализации), когда поэт/литератор воспринимает свою деятельность как важную миссию, успех массовой литературы (часто при неуспехе «высокой» поэзии), лишенной художественного достоинства, сочиняемой, к тому же, литераторами либо с плохой репутацией, либо литераторами бесталанными (не стоит забывать, что даже в самой принципиальной «системообразующей» полемике принимают участие вполне конкретные авторы с своими субъективными точками зрения), — должен был стать объектом рефлексии и побуждать участников этой самой ситуации к определенному выбору.

Ситуация подобного выбора могла восприниматься либо трагически, как нарушение права осуществлять высокую миссию; либо как явление временное (соответствующее «переходной» эпохе), легко встраиваемое в мессианский контекст русской культуры.

Выбор между «трагическим» и «реалистическим» мироощущением, и соответственно — выбор способа действия в точке бифуркации часто обусловлен положением литератора на литературном («игровом») поле.

Сравним, например, «выборы» двух непримиримых оппонентов «торгового» направления литературы — Степана Шевырева и Евгения Боратынского.

Вполне успешный Шевырев (член «общества Любомудрия», ощущавший свою значимость поэт и критик, адъютант, а затем профессор Московского университета), находясь *внутри* литературного процесса, считал вполне возможным управлять им, несмотря на возникавшие препятствия.

А Боратынский, тяжело переживавший свой неуспех у современников (в том числе из-за критики его творчества не только Булгариным, Николаем Полевым, но и Шевыревым), воспринимал литературный процесс *извне*, с «необитаемого острова» и не видел возможности влиять на ситуацию. Основа его мироощущения — уже названные нами «*диалектическое равновесие*» «*борьбы с тяжелой судьбой*» и *полное ее принятие* —

вполне проявилось в процитированном в заглавии нашей статьи письме к Киреевскому: «<...> Что делать! Будем мыслить в молчании и оставим литературное поприще Полевым и Булгариным. Поблагодарим Провидение за то, что оно нас подружило <...> что есть еще несколько людей нам по уму и по сердцу. Заклучимся в своем кругу, как первые братья христиане, обладатели света, гонимого в свое время, а ныне торжествующего. Будем писать, не печатая. Может быть, придет благопоспешное время» [9, с. 292]. Писать будем, но... не печатая...

Отсюда и такие разные тексты (программная статья *Шевырева* «Словесность и торговля» и стихотворение *Боратынского* «Последний поэт»), тем не менее опубликованные на страницах одного и того же номера «Московского наблюдателя» (1835. Ч. 1. № 1. С. 5-29; С. 30).

Сближает позиции обоих литераторов оценка «века», в котором формируется текущая литературная ситуация:

<i>Боратынский:</i>	<i>Шевырев:</i>
<p>Век шествует <i>путем своим железным,</i> В сердцах корысть, и общая мечта Час от часу насущным и полезным <i>Отчетливей, бесстыдней занята.</i> Исчезнули при свете просвещения Поэзии ребяческие сны, И не о ней хлопчут поколения, <i>Промышленным заботам преданы</i> <...></p>	<p>«Настал если не золотой, то самый сытный век нашей литературы. До- ждались мы того счастливого вре- мени, что статьи наши считаются за верные банковские билеты; что сло- весность наша имеет свой торговый дом, в котором эти измаранные би- леты тотчас вымениваются на чи- стые печатные, всё приобретаю- щие. Не на Парнасе сидят наши музы, не среди них, в небесах и в снегу, обитает наша словесность. Я представляю её себе владельни- цю ломбарда: здесь, на престоле из ассигнаций, восседает она со сче- тами в руке <...>»</p>

Однако утопия Боратынского полностью обращена **в прошлое**, в «*отечество Омира*» (в «*дряхлающем мире*» — **в настоящем** — для поэта не осталось места), в то время как Ше-

вырвав *текущий момент* именует «*состоянием перехода*» (которое «тем вреднее <...>, когда в этом переходе сталкиваются две стихии совершенно противоположные: умственная или духовная — какова словесность; материальная — какова торговля. Там, где мысль и выгода дружатся между собою и хотят ужиться вместе, там всегда неизбежны нравственные злоупотребления <...>») и переносится мыслью *в будущее* — «счастливое время», когда «*преобладающий коммерческий дух и с ним племя спекуляторов уступят любознательной мысли и поколению умствующему. Наука будет иметь своих верных приверженцев, делается у нас народною, пустит корень — и будет питать словесность <...>*».

Разнонаправленные картины мира определили и прямо противоположные выборы в точке бифуркации: «последний поэт» вручает («погребает») свой «бесполезный дар» морской стихии (мы осознанно выбираем из полифонии стиха Боратынского только один мотив, ибо растворение «последнего поэта» в вечности — в данном случае метафора реального выбора, сделанного Боратынским и озвученного в том же письме к Киреевскому), в то время как Шевырев намеревается «идти навстречу поколению мыслящему» и «противодействовать преобладающему духу торговли <...> в литературе»:

<i>Боратынский:</i>	<i>Шевырев:</i>
<p>Оно <море> шумит перед скалой Левкада, На ней певец, мятежной думы полн. Стоит... в очах блеснула вдруг отрада: Сия скала... тень Сафо!.. песни волн... Где погребла любовница Фаона Отверженной любви несчастный жар, Там погребет питомец Аполлона Свои мечты, свой бесполезный дар! <...></p> <p>(Курсив мой — О. Г. [1, с. 274-276; 21, с. 30])</p>	<p>«Мы предвидим благое начало всего этого и желаем идти на- встречу поколению мыслящему; желаем противодействовать пре- обладающему духу торговли в на- шей литературе и всем злоупотре- блениям, от него происте- кающим; желаем доказать на де- ле, что может у нас существо- вать критика произвольная, благонамеренная, честная, и тем содействовать несколько к ут- верждению национального взгляда на произведения словесности как нашей, так и иноземной» (Кур-</p>

* * *

Современная культурная (литературная) ситуация рубежа XX—XXI веков зеркально отражает литературную ситуацию начала XIX века, описанную нами в предыдущей части статьи.

Если в начале XIX века литературы (литературоведения) «еще» не было, то в начале XXI века ее (их) «уже» нет.

Кризис начала XIX века был кризисом «становления» и «созидания»; кризис начала XXI века — кризис усталости и деконструкции. Другими словами, из «счастливого времени» Шевырева мы попадаем в «дряхлающий мир» Боратынского.

В новых спорах о путях развития России, культуры, литературы, образования по-прежнему воспроизводится петровская парадигма.

Литераторы, ученые (в том числе и филологи-русисты), деятели культуры, политики по-прежнему мыслят в категориях «соревновательной» парадигмы, отрицая опыт предыдущих эпох, ориентируясь на опыт европейский (здесь, конечно, огромную роль играет глобализация, предполагающая единое мировое пространство культуры); рассуждают о роли России в мире, по-прежнему настаивая на тезисе, что российская культура (и в частности — литература) выражает «умственное состояние» общества и призвана демонстрировать высокий духовный потенциал русского народа.

Как кажется, на генетическом уровне сохраняется представление (память) о поэте, писателе, ученом как о творце культуры и воспитателе вкуса публики (жреце).

А коммерциализация культурного поля в начале XXI века порождает метафоры, повторяющие метафоры века XIX. Читая статьи современных филологов, обсуждающих текущую литературную / культурную / научную ситуацию, невольно вспомнишь слова Шевырева о *музе-владелинице ломбарда, восседающей на престоле из ассигнаций со счетами в руке* или *общей мечте Боратынского, занятой насущным и полезным:*

Сергей Козлов: «Каковы котировки данной дисциплины (речь идет о филологии) на сегодняшнем общегуманитарном рынке и каковы котировки разных методологических подходов на внутреннем рынке самой этой дисциплины? Формулируя тот же самый вопрос с помощью другого метафорического кода — что носят в этом сезоне?» [7];

Игорь Смирнов: «Мы сегодня имеем дело с очень интенсивной прагматизацией, утилитаризацией любого вида деятельности, в том числе деятельности эстетической. Сегодня оказываются важны выигрыш, а не интеллект; стратегия успеха, а не стратегия с расчётом на создание вечных ценностей <...> Выигрывает не тот политик, который предлагает самую разумную программу, а тот, который богаче, у которого политтехнологии хитрее. И я не вижу конца этой тенденции, зачатков чего-то нового, какой-то альтернативы. Именно потому, что это — мировая тенденция, глобализация является тем контекстом, в котором расцветает прагматизм [18].

Другими словами, культурная (литературная ситуация) начала XXI века действительно во многом является «повторением» культурной ситуации начала XIX века, но, как мы уже сказали, повторяет, отражая ее зеркально: в начале XIX века литературы (критики, литературоведения) *еще* не было»; в начале XXI века их *уже* нет. Литература (критика, литературоведение) в нашем столетии — всего лишь *одно из явлений* глобальной культуры, а поэт, ученый (литературовед) — более не жрец и не законодатель вкуса:

Смирнов в уже упомянутом нами интервью утверждает: «У нас больше практически нет теории литературы. Теория литературы может возникать только в тех условиях, когда литература воспринимается как автономная сфера деятельности человека. В обществе развлечения литература теряет суверенность, служит потреблению» [18].

Впрочем, кризисное состояние культуры в эпоху глобализации — явление общемировое. Так, например, американский ученый Кевин Платт наблюдает «изменение статуса филологов-профессоров от „жрецов“ к „экспертам“» и утверждает, что оно «связано не только с потерей интереса к класси-

ческой литературе, но, в первую очередь, с изменением самой культуры [8; 14].

Какой же выбор возможен в точке бифуркации для современных литераторов (ученых, литературоведов)?

Будет ли этот выбор (эти выборы) «повторением» выбора / выборов наших коллег из XIX века?

Ситуация выбора между «бесполезным даром» и «насущным и полезным» непременно оборачивается «точкой бифуркации» (Юрий Лотман), трансформирующей культурное поле, обещающей новые возможности (пути, варианты) «сотворения» культуры.

Выборы современных литераторов-ученых-литературоведов не менее, чем выборы их собратьев из XIX века, зависят от места, занимаемого ими на поле литературы.

«Последовательные» литераторы-литературоведы, находясь *внутри* институционального поля (академических институтов, университетов, издательств), выбирают реформирование методологии исследований либо поиск новых методологических задач. Для них выбор «насущного и полезного» означает открытие новых смыслов «юдольного мира» — «договор» со временем.

Внутри институционального поля одним из важнейших выборов является «филология как личное искусство», но это путь «для немногих».

Для большинства же — есть более простые и «продуктивные» выборы.

Это и своего рода «эkleктизм» — метод исследования, позволяющий выбрать «из множества предзаданных подходов вариант, наиболее продуктивный в данном случае, или построить продуктивную для данного случая комбинацию из нескольких подходов. Каждая историческая ситуация несет в себе свои шансы, свои ограничения и свои риски. Наша сегодняшняя задача <...> состоит в том, чтобы достойно воспользоваться возможностями эпигонства и эkleктизма, постоянно и осознанно избегая тех опасностей, которые эпигонство и эkleктизм в себе таят. Если уж мы не можем избежать сближения филологии с рынком и с модой, постараемся по крайней

мере не следовать покорно за актуальными трендами, а быть искусственными и умными эклектиками — то есть придерживаться строго продуманных, строго индивидуальных и внутренне независимых решений» [7].

И, с точки зрения, например, Кевина Платта, расширение «дисциплинарных границ <...> на институциональном уровне», постановка «в центр филологических штудий неканонической литературы, массовой культуры, исследований кино»: «Современная филология должна перестать определять как „истинно-научную“ лишь ту работу, которая ведется только с каноническими текстами. Необходимо расширять области исследования, которые филологи называют „своими“, даже если это означает отказ от классики» [8; 14].

Акцент на *бесплезности* дара означает отказ от поиска новых смыслов бытия (упоеание безнадежностью «повторений»). Данный выбор сопряжен с философией «относительности истин» — эпистемологического (и... нравственного) релятивизма¹ и предполагает экзистенциальный уход (совсем не обяза-

¹ Сопряжение «ухода» именно с философией «относительности истин» (релятивизмом) может вызвать (и вызывает) возражения (цитируем): во-первых, «с равным основанием можно утверждать противоположное — что выбор уйти сопряжен с философией абсолютности истины» и, во-вторых — «если сочесть уход сопряженным с релятивизмом, то по подразумению надо сочесть „договор с временем“ сопряженным с „монизмом/абсолютизмом“, а такая увязка возможна при исповедании истины типа „все действительное разумно“, но возможна ли при всех других возможных исповеданиях истины? А может, выбор между уходом и заключением договора с временем не обязательно сопряжен с выбором в пользу (или интуитивным предпочтением) релятивизма или монизма?»

Разумеется, «выбор уйти» может быть «сопряжен с философией абсолютности истины».

И с равным же основанием можно, разрушив привычную (навязчивую) «бинарность», утверждать, что и «выбор уйти», и «договор с временем» сопряжены с релятивизмом: весь вопрос в том, *кто осуществляет выбор*. Для договаривающихся — «относительность истин» может стать «оправданием» компромисса с жизнью; для уходящих — обернуться предательской «легкостью бытия», не позволяющей осуществлять свое жизненное предназначение.

А, оставаясь в рамках «бинарности», почему, например, вместо оппозиции «релятивизм» — «монизм» не предположить дихотомию: «неверие» — «вера». Она влечет за собой другие «свободные ассоциации», не вполне сов-

тельно — физический). В литературной ситуации XXI века этот выбор не может выполнить роль значимой культурной манифестации (культурного жеста), поскольку попросту не будет замечен современниками. На место выбывшего игрока придут несколько других.

Поэтому литераторы-литературоведы XXI века, находящиеся *вне* институционального поля (по воле «жестокой судьбы» оказавшись на его краю или осознанно выбрав нехоженые пути в литературе-науке) также выбирают «насущное и полезное» и заключают свой «договор со временем».

Ищущие новые пути проводят исследования на стыке наук (дисциплин) или создают «новые науки» (дисциплины). Примером такого поиска может служить *регионоведение*, включающее литературу и язык в общую матрицу исследования того или иного региона наряду с его экономикой, историей, государственным и политическим устройством и на основе комплексного исследования этих дисциплин определяющее основные доминанты его развития.

Так, например, целью курса «Русский мир» является «дать студентам представление о русской культуре и русской цивилизации в целом, раскрыть своеобразие России как особого неповторимого мира, и вместе с тем, как составной части мировой

падающие с оппозицией «релятивизм» — «монизм». Релятивизм в этом контексте будет означать *неверие, непрочность, непостоянство бытия*, и, следовательно, — *отсутствие нравственного основания для полноценной реализации*, желание «уйти», «умереть, уснуть»... «Вера», конечно, может соотноситься (и часто соотносится) с идеей абсолютной истины («абсолюта»). Но маловероятно, чтобы «вера» исчерпывалась исключительно постулатом «все действительно разумно...». «Вера» в предложенном контексте — скорее будет означать и *следование своему пути* («голосу Судьбы», или „*Ess muss sein*“ в интерпретации Милана Кундеры), и *желание «действовать»* (Михаил Лермонтов), и выбор *«жить и бедствовать»*, потому что существуют-таки «обещания в груди сокрытой музыки» (Боратынский). То есть — задается совсем иная парадигма, в рамках которой философия «ухода» сопряжена именно с релятивизмом.

Любые логические выкладки могут (п)оказаться софизмами, если заведомо не предположить возможность/неизбежность одновременного (параллельного) существования других дискурсов, парадигм, контекстов и т. п... Хотя, впрочем, и софизмы, и параллельные дискурсы и парадигмы — разве не проявление все того же релятивизма?!

цивилизации; рассмотреть основные проблемы русской жизни через призму истории, литературы, языка и искусства <...>. Источниковой базой курса являются различные исторические материалы как русские, так и зарубежные, художественная литература, фольклор, записки иностранцев о России, материалы этнографических исследований, современная отечественная и западная пресса и публицистика, материалы телевидения и кино» (Курсив мой — О. Г. [16]).

Покинувшие поле литературы-науки «по воле судьбы» (в силу экономических, психологических и т. п. причин) имеют широкие возможности для приложения своих специальных знаний, *извне* выстраивая взаимодействие литературоведения с прикладными дисциплинами. Примером такой сферы деятельности может служить «*мифодизайн*» — применение научных исследований мифологии в рекламном бизнесе:

«Мифодизайн в современной рекламе — это воссоздание универсальных художественных образов, которые становятся своего рода способом отражения и освоения окружающей действительности. При этом мифодизайн в сфере рекламы рассматривается с трех позиций: с одной стороны, *мифодизайн — это технология использования в рекламе мифологических приемов, художественных мифологизмов*; с другой стороны, *мифодизайн представляет собой проектную деятельность по созданию мифов*; с третьей позиции, *мифодизайн осуществляет хранение и трансляцию общечеловеческих смыслов, идей, стереотипов*» (Курсив мой — О. Г. [5]).

* * *

Думается, различие точек бифуркации, ситуаций выбора, в которых литератор-литературовед XIX и XXI веков вынужден искать свой путь, можно уподобить сюжету пьесы Мориса Метерлинка «Там, внутри». В начале пьесы герои находятся на разных полюсах некоего мира: жизнь героев *внутри* этого мира наполнена счастьем и надеждами на будущее; герои на *внешней* границе этого мира уже знают о трагедии, ко-

торая делает счастье обитателей *внутреннего* мира невозможным.

Другими словами, Боратынский уже предчувствует разрушение мира Поэзии, актуальное для века XXI, тогда как Шевырев радостно предчувствует ее золотой век и два столетия ее грядущего владычества.

Литераторы-литературоведы, живущие в XXI веке, напротив, подобны героям в финале пьесы Метерлинка — герои на *внешней* границе мира решились сообщить счастливым обитателям мира *внутреннего* о постигшем их горе, но те уже и сами догадались, что настал час беды; и те, что *внутри*, и те, что *вовне*, одновременно сделали шаг навстречу друг другу.

Другими словами, литераторы-литературоведы, находящиеся *внутри* (например, филологи, которые изучают язык **медиа**; ученые, которые исследуют «сценарии власти») и *извне* (служители **медиа**, которые используют язык науки; политики (пиарщики), которые используют язык филологии/мифологии) культурного поля, не отождествляя своих позиций, все же демонстрирует их очевидное сближение. Происходит формирование общего пространства культуры — своего рода смешение «высоких» и «низких» жанров (почти как в эпоху романтизма), или иначе — сближение интеллектуального/элитарного и массового начал в «поле культурного производства».

И все же остается вопрос: ребенок, который безмятежно спал на руках матери и так и не проснулся в финале пьесы Метерлинка: кто он?

А вместе с этим вопросом остается и надежда.

Список литературы:

1. Боратынский, Евгений. Стихотворения. Поэмы. Издание подготовил Леонид Фризман. М.: Наука, 1982. (Серия «Литературные памятники») (http://imwerden.de/pdf/baratynsky_stikhotvoreniya_poemy_1982_text.pdf);

2. Боратынский, Евгений. Полное собрание сочинений и писем. Руководитель проекта Алексей Песков. Т. 1 (Редакторы Андрей Зарецкий, Алексей Песков, Игорь Пильщиков). Стихотворения 1818—1822 годов (<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=3542>); Т. 2. Ч. 1 (Редакторы Ольга Голубева, Андрей Зарецкий, Алексей Песков). Стихотворения 1823—1834 годов (<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=3681>); Т. 3. Ч. 1 (Редакторы Алина Бодрова, Наталия Мазур). «Сумерки». Стихотворения 1835—1844 годов. *Juvenilia*. Коллективное. *Dubia*. (<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=3537>) М.: Языки славянской культуры, 2002—2012;

3. Голубева, Ольга. Россия и русская культура глазами иностранцев. Историческая ретроспектива и современность // Русский язык в едином европейском образовательном пространстве (проблемы межкультурного взаимодействия): Сборник статей I Международной научной заочной конференции 25 июня 2014 года. М.: НИЯУ МИФИ, 2014, вып. 1, с. 43-54;

4. Голубева, Ольга. Развитие русской культуры: французский взгляд и его русские интерпретации // Сборник статей XV Международной конференции *Россия и Запад: диалог культур* 21—27 апреля 2012 года. Вып. 17. М.: МГУ им. Ломоносова, Центр по изучению взаимодействия культур, 2013 (электронный оптический диск, 10 стр.);

5. Калиниченко, Светлана, Квеско, Раиса. Мифодизайн как социокультурный феномен: http://lib.tpu.ru/fulltext/v/Bulletin_TPU/2009/v314/i6/19.pdf;

6. Киреевский, Иван. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979;

7. Козлов, Сергей. Осень филологии // НЛО, № 110, 2011: <http://www.nlobooks.ru/node/1070#sthash.cZ1mUW9n.dpuf>;

8. «Круглый стол» на тему «Остается ли филология „царицей“ гуманитарных наук» в Высшей школе экономики 4 апреля 2011 г.. См. отчет Алексея Плешкова: <http://www.hse.ru/news/recent/29050041.html>;

9. Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Составитель Алексей Песков; текст подготовили Екатерина Лямина и Алексей Песков. М.: НЛО, 1998;

10. Лотман, Юрий. Изъявление Господне или азартная игра (Закономерное и случайное в историческом процессе) / Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994, с. 353-363;

11. Лотман, Юрий. Культура и взрыв / Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001, с. 12-148;

12. Песков, Алексей. «Русская идея» и «русская душа». Очерки русской историософии. М.: ОГИ, 2007;
13. Плаксин, Василий. Руководство к познанию истории литературы. СПб.: в тип. III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1833;
14. Платт, Кевин Ф. Зачем изучать антропологию? Взгляд гуманитария: вместо манифеста. НЛО, № 106, 2010: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/ke4.html>;
15. Полевой, Николай, Полевой, Ксенофонт. Литературная критика. Ленинград: Художественная литература, 1990;
16. *Программа курса «Русский мир»*: <http://www.regionalstudies.ru/regionalstudies/trainingprograms/85-2012-08-06-09-39-24.html> (Программа опубликована в сборнике: Учебные программы. Специальность Регионоведение (350300). Часть 1. М.: Центр оперативной печати ФИЯР МГУ, 2007);
17. Сайт Центра изучения взаимодействия культур (МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения): www.regionalstudies.ru;
18. Смирнов, Игорь. Интервью (записал Вадим Хохряков) // Санкт-Петербургский университет, 2007, № 19 (3767), 28 декабря: <http://www.spbumag.nw.ru/2007/19/10.shtml>;
19. Ульяновский, Андрей. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб: Питер, 2005;
20. Ульяновский, Андрей. Мифодизайн рекламы. СПб.: Петрополь, Фонд русской поэзии, 1995;
21. Шевырев, Степан. Словесность и торговля // Московский наблюдатель, 1835, Ч. 1, № 1, с. 5-29.